

УДК 159.923

Пиджинизация и креолизация как механизмы субкультурной интердетерминации диалогической самости

Г. А. Фофанова, старший преподаватель*

В статье рассмотрены механизмы субкультурной интердетерминации диалогической самости в контексте образовательной субкультуры. Представлены методологические основания диссертационного исследования. Показываются особенности научной и образовательной субкультуры. Раскрываются «пиджинизация» и «креолизация» как механизмы субкультурной интердетерминации диалогической самости субъекта образовательной субкультуры.

Pidginization and Creolization as Mechanisms of Subcultural Interdetermination of Dialogical Self

G. A. Fofanova, Senior Lecturer

The paper considers the mechanisms of subcultural interdetermination of dialogical self in the context of an educational subculture. Methodological reasons of dissertation research are presented. The characteristics of scientific and educational subcultures are shown. Disclosed “pidgin” and “creole” as a mechanisms subcultural interdetermination of dialogical self of the subject of educational subculture.

Понятие субкультура давно утратило свой узкий смысл, выйдя за рамки предметного поля социологии и этнографии, распространившись на все пространство социальных наук. Понимание того, что различные группы характеризуются не только единой системой ценностей, установок и поведенческих норм, но также обладают уникальной смыслопорождающей средой, сквозь которую преломляется как внешний мир, так и внутреннее пространство субъекта, привело к расширению границ социальных исследований и частичной смене исследовательских установок, пытающихся сопоставлять и сравнивать различные культуры и субкультуры исходя из наличия определенного эталонного образа. Каждая субкультура обладает своим уникальным полем значений, частично недоступным для субъектов, не включенных в ее пространство. В то же время существование совершенно изолированных от мира субкультурных групп в отечественном культурном пространстве представляется маловероятным, вследствие высокого уровня информатизации научной и повседневной жизни.

Субкультура характеризуется наличием у нее границ, что позволяет ей сохранять относительную автономность в общем культурном пространстве. Эти границы обладают различной степенью проницаемости, что позволяет определять (не в виде количественных показателей, а в качестве общей

*Старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ.

тенденции) степень открытости либо закрытости последней. С точки зрения социальных конструктивистов, в качестве индикаторов субкультуры можно рассматривать систему дискурсов, определяющих специфику проявления присущих ей социальных практик. Данная система дискурсов зависит от: 1) особенностей использования языка; 2) норм и правил, характеризующих поведение членов субкультуры; 3) совокупности референтных текстов и интерпретаций относительно мироустройства [1]. Н. Слюсаревский выделяет в качестве признаков субкультуры следующие позиции: 1) знание (картина мира в узком смысле); 2) ценности; 3) стиль и образ жизни; 4) социальные институты как системы норм; 5) процедурное знание (навыки, умения, способы осуществления, методы); 6) потребности и склонности [2]. Исходя из этого, включенность в субкультурное пространство, достигаемое, в том числе, и за счет включения в систему социальных институтов (в нашем случае, на этапе получения субъектом высшего образования), может накладывать отпечаток на восприятие и манифестацию субъектом собственной самости.

Одной из значимых характеристик любой субкультуры выступает ее языковой строй. Правила и ограничения, нормы и конвенции, манифестируемые определенным образом, выступают в качестве своего рода демаркационного кода, формирующего знаково-символический динамичный образ субкультуры, позволяющий ей обрести свои

уникальные границы и признаки в мультикультурном многообразии. По мнению известного лингвиста и антрополога К. Ажежа, «субъект высказывания действует в определенном пространстве, наполненном стесняющими ограничениями, которые и определяют образ грамматики повествования» [3, с. 229]. Многообразие субкультур, существующих даже в рамках единого языкового пространства, приводит к проявлению границ, усложняющих достижение взаимопонимания между взаимодействующими сторонами. В то же время можно говорить о создании «площадки» для диалога и взаимного обогащения, представленных в едином культурном пространстве относительно дифференцированных субкультур.

По нашему мнению, данная особенность субкультурного пространства неизменно приводит к возникновению субкультурных коммуникативных практик, интердетерминирующих манифестацию диалогической самости субъекта. Этот тезис подкрепляется психологическими исследованиями речевых практик и мыслительной активности субъекта [4]. Кроме того, согласно концепции диалога культур В. Библера, одной из важных составляющих межкультурного взаимодействия выступает не диалог мнений или представлений (фактически, часто сводящихся к выражению отношения либо прямой оценке), а контакт различных культур через текст, построенный в системе общего для общающихся языка и жанровой традиции [5]. С этой точки зрения, данные практики должны характеризоваться наличием некоего минимально разделяемого различными сообществами уровня значений, благодаря которому осуществляется возможность налаживания первичного контакта, с дальнейшим содержательным углублением взаимодействия субъектов коммуникации.

Символические ресурсы культуры главным образом представлены и транслируются с помощью языка. Исходя из данного суждения, можно сделать вывод о том, что последний накладывает определенный отпечаток на речевой строй субкультуры. Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа в качестве объяснения данного феномена предлагает следующую закономерность: язык, используемый группой, определенным образом взаимосвязан с мышлением, опосредует картину мира, принимает участие в создании объяснительных моделей [6]. Язык, выступающий в качестве культурного ограничителя, задает инструментарий для содержательного описания феноменов, связанных как с субъективным внутренним опытом личности, так и с внешним, материальным миром [7]. В то же время необходимость организации и поддержания взаимодействия меж-

ду различными группами приводит к необходимости учета многообразия культурных кодов.

Отчасти это напоминает ситуацию, сложившуюся в современной науке. Существовавший прежде монолитный образ научного мира, подразделенный на естественную и гуманитарную составляющие, при ближайшем рассмотрении оказывается не настолько однозначен. В настоящее время распространённым является восприятие научного пространства как конгломерата естественных, технических, гуманитарных и социальных наук, границы между которыми не прочерчены явно и однозначно. В ряде научных работ это определяется как устойчивое свойство науки периода постмодерна. Косвенной иллюстрацией данного факта является большое количество междисциплинарных исследований, представленных как в естественных, так и гуманитарных отраслях науки, имеющих четкий академический статус [8]. В рамках отдельных наук также наблюдается внутренняя дифференциация. Например, известный физик П. Галлисон в трудах, посвященных историческому анализу процессов, происходящих в науке, подразделяет физическую науку на три относительно автономных сферы («субкультуры») — экспериментальную физику, физику приборостроения и теоретическую физику [9]. По его мнению, узкая специализация, в полной мере проявившаяся в физике, привела к выработке упрощенных способов информационного обмена между представителями «внутренних субкультур». Наиболее известными примерами подобного коммуникативного феномена являются совместные исследования в различных отраслях физики в 30-е и 40-е годы 20 столетия, приведшие к научным и прикладным прорывам в науке и технологиях, продиктованные, в первую очередь, потребностями военных ведомств США и Великобритании (ядерная лаборатория в Лос-Аламосе, радиационная лаборатория Массачусетского технологического университета) [9].

Магистральные взаимоотношения между образовательной и научной субкультурами очевидны. Результаты деятельности субъектов научной субкультуры спустя определенное время находят свое отображение в образовательном процессе, являясь краеугольной основой для формирования научного мировоззрения студентов. Из высшего образования наука черпает кадры, которые в дальнейшем будут продвигать научное познание к новым рубежам. Ряд университетов известны и как научно-исследовательские центры. Эта взаимосвязь, а также уникальность и сложность научного информационного пространства, позволяют говорить о подобии процессов обмена, происходящего

между представителями различных образовательных субкультур, в основе дифференциации которых лежит принцип принадлежности к различным группам наук. Другими словами, языковые и смысловые различия, представленные в категориально-понятийном аппарате наук, связанных с образовательной субкультурой, не только задают определенные рамки в «означении» внешнего и внутреннего мира, в котором существуют субъекты субкультуры, но также предлагают относительно завершенные объяснительные модели, метафоры и образы, которые выступают в роли формирующих блоков. Это, по нашему мнению, может выступать в качестве коммуникативных барьеров между субкультурами, для преодоления которых нужны институционально и конвенционально согласованные процедуры и приемы, способствующие достижению определенного уровня взаимопонимания. Наличие данных условий выступает в качестве признака присутствия так называемых «диалогических площадок», чье функционирование поддерживается рядом лингвистических механизмов, обеспечивающих достижение определенного уровня взаимопонимания, и, как следствие, преодоление разрывов, препятствующих согласованному, взаимно обогащающему сторонам взаимодействию.

Образовательная субкультура является носителем ряда уникальных особенностей. Направленная на формирование определенного типа мышления у принадлежащих к ее пространству субъектов, целенаправленно осуществляющая данный процесс с помощью специально организованных образовательных практик, она сталкивается с рядом сложностей, так как любое изолированное пространство рано или поздно оказывается перед лицом собственной предельности — ситуации, когда ощущается недостаток внутренних ресурсов для создания непротиворечивой концепции мира. В первую очередь, с этим сталкиваются субъекты институциональной принадлежности, а в нашем случае, — студенты высших учебных заведений, осознающие нехватку ресурсов и объяснительных моделей, необходимых для познания и понимания как окружающего, так и собственного внутреннего мира. Эта ситуация переживается субъектом как дискомфортная, требующая определенных действий для изменения данного состояния. В качестве одного из путей снижения напряженности можно рассматривать овладение лингвистическими практиками, характерными для данной субкультуры, после чего потенциально становится возможным создание с их помощью некоего описательного образа собственной самости, познание и понимание сущности последней. В то же

время ни одна из образовательных субкультур не обладает законченной системой знаний, что диктует необходимость установления контактов с «соседствующими» субкультурами.

В нашем исследовании диалогическая самость субъекта образовательной субкультуры рассматривается как динамическое знаково-символическое проявление уникальности субъекта, представленное в виде континуального взаимодействия Я-позиций личности, манифестирующееся в диалоге с реальным или воображаемым Другим, опосредованное языковыми практиками и воплощенное в тексте определенной нарративной конфигурации, интердетерминированное ситуативными, субкультурными, общекультурными и социальными переменными, а также событиями личностной истории субъекта. Основным медиатором проявления диалогической самости в контексте образовательных субкультур, по нашему мнению, выступает язык, используемый субъектами при конструировании повествований, связанных с собственным опытом пребывания в мире. Автобиографический нарратив связан не просто с последовательным воспроизведением ряда фактов из жизни субъекта. Это также осмысление изменений, связывание последних с событийным миром, способ представления себя в этом мире как уникальной сущности [8]. Именно поэтому в качестве метода сбора информации в исследовании было избрано нарративное интервью с субъектами различных образовательных субкультур.

Современная образовательная субкультура характеризуется наличием большого количества коммуникативных практик, построенных вокруг характерных для наук, составляющих основу образования, особенностей их предметов исследования. Современное высшее образование — производная от многообразия естественных, технических, социальных и гуманитарных наук, характеризующаяся традиционностью и консервативностью. Сложное содержание современной науки воспроизводится и в образовательной среде. Программа подготовки специалистов в вузах представляет сочетание дисциплин специализации и общеобразовательных предметов, что требует от студентов определенного уровня ориентации в науках, принципиально отличающихся по содержанию, предмету исследования, парадигмальным координатам и способам познания. Необходимость достижения определенной квалификации в различных сферах научного познания (в нашем случае под квалификацией подразумевается владение различными знаковыми кодами), при объективной невозможности целенаправленного сосредоточения на каждой, обуславливает возможность

существования инструментария, позволяющего достигать определенного уровня взаимопонимания при пересечении содержательного поля различных образовательных субкультур. Эта необходимость диктуется прагматикой обучения — студент, не обладающий подобной компетентностью, рискует оказаться за пределами данной субкультуры.

Для того, чтобы прояснить особенности существования диалогической самости в среде образовательной субкультуры, необходимо обратиться к ресурсам наук, занимающихся изучением языка, в частности, к антропологической лингвистике. Именно в ней довольно углубленно рассматриваются особые формы организации и устройства языков, возникших из прагматической потребности в достижении взаимопонимания и координации совместной деятельности различных этнических и социокультурных групп. В частности, речь идет о пиджине — языке, составленном из элементов, как минимум, двух активных языков [10], и креоле — расширенном и усложненном пиджине, способном функционировать как родной язык для определенной группы его носителей [10]. Исследования, связанные с данной проблематикой, интересны еще и по причине того, что ряд авторов (в частности, К. Ажеж) считают появление такого феномена, как пиджин, одним из немногих удавшихся естественных экспериментов.

Исторически сложилось, что первые пиджины исполняли роль контактных языков между группами, подвергавшимися дискриминации (карибская и тихоокеанская группа пиджинов, а также морской пиджин — их появление обусловлено колонизацией данных регионов европейскими странами, причем карибский возник вследствие рабовладельческих отношений на плантациях островов Карибского бассейна, а тихоокеанский явился следствием колонизационной политики ряда европейских стран) [11], либо являвшихся следствием необходимости координации действий при торговых отношениях (русско-китайский пиджин Приамурья, рюссенорск (контактный язык норвежских и российских рыбаков) [12], полицейский моту — язык, используемый британской колониальной властью на ряде островных государств тихоокеанского региона). Часть из них, как считается, позже «переродились» в креольские языки — это преимущественно произошло с теми пиджинами, которые являлись средством общения между членами групп, свобода которых была ограничена (рабы на плантациях, невольники, группы, проживавшие в местностях, характеризовавшихся труднодоступностью и удаленностью). Непременным условием трансформации пиджина в креольский язык являлось на-

личие второго и третьего поколений, для которых данный «язык» выступал в качестве родного, то есть обеспечивающего взаимодействие между родителями и детьми. На сегодняшний день большая часть бывших колоний европейских стран разговаривает на различных креольских наречиях (страны Южной и Центральной Америки, Африки, Азии и Океании). В рамках же образовательной субкультуры подобная трансформация возможна, по нашему мнению, при условии, что субъекты взаимодействия оказываются перед необходимостью более глубокого погружения в постигаемое содержание, для чего уже недостаточно имеющихся средств установления контакта.

Идея, лежащая в основе определения пиджина, достаточно очевидна — упрощение (иногда встречается термин примитивизация) фонологической, морфологической, синтаксической и лексической структур языка с целью минимального информационного обмена между субъектами, необходимого для организации совместной деятельности. Внутренняя реальность субъектов взаимодействия при этом оказывается невозможна для выражения внешнему слушателю. При таком положении вещей практически невозможным становится постижение внутренней реальности субъекта коммуникации, так как пиджин ориентирован на передачу однозначно интерпретируемого содержания. С другой стороны, креольский язык, произрастающий из пиджина, способен такое содержание передавать. В качестве примера можно рассмотреть многочисленные креольские языки, широко распространенные в таких регионах, как Африка, Юго-Восточная Азия и Океания [13].

Аналогичный опыт установления контакта между различными «внутренними субкультурами» присутствует и в науке. П. Галлисон наглядно демонстрирует, какие «приготовления» проходит научный материал при организации взаимодействия между физиками-теоретиками и физиками-экспериментаторами. «Примитивизация математической структуры, избегание исключительных случаев, минимизация внутренних связей между теоретическими структурами, отказ от изощренных объяснительных схем» — подобные трансформации претерпевает научный текст в процессе движения от одной субкультуры к другой, своеобразной «предконтактной» подготовки либо корректировки, вследствие трудностей с установлением совместного поля значений, обеспечивающих минимально необходимый уровень взаимопонимания [9]. В то же время это не является редукцией в чистом виде, так как предполагает достаточно высокий уровень организации пересекающихся систем значений представителей данных субкуль-

тур, определяемый общей принадлежностью к «культуре физики». Существуют специальные научные работы, формирующие особую языковую среду, являющуюся медиатором для информационного обмена между представителями экспериментальной и теоретической субкультур. В качестве примера можно привести совместную работу Дж. Бьеркена и С. Дэлли над книгой, посвященной теории квантового поля. Завершив свой труд, авторы обнаружили, что разработали совершенно разные тексты: один содержал в себе конкретные правила расчетов и был ориентирован на физиков-экспериментаторов, второй — адресован физикам-теоретикам с теоретическим базисом, определяющим данные правила расчетов [14].

Условия, которые позволяют нам экстраполировать данные принципы на понимание механизмов интердетерминации диалогической самости, представленной в различных образовательных субкультурах, основаны на следующих положениях: 1) субкультуры, объединенные общим институциональным полем, обладают тенденцией к сближению (в нашем случае в качестве такого поля фигурирует университетская среда); 2) базовый языковой код, являющийся общим в рамках отечественного культурного пространства, упрощает условия для установления и поддержания контакта между субкультурами; 3) стремление к самопознанию и самопониманию является одним из важных источников развития и социализации личности молодого человека [15]; 4) широкий спектр междисциплинарных («диалогических») исследований, представленных в пространстве современной науки, наглядно подтверждает востребованность идей диалогизма на различных уровнях культурного пространства — от научного и образовательного, до повседневного и внутрисубъектного.

Таким образом, возникает необходимость рассмотрения вопроса о наличии в поле совместного существования образовательных субкультур специфической зоны контакта — смыслового пространства, характеризующегося пересечением прагматических интересов (тем и вопросов), касающихся вопросов самопонимания, самоотношения и самопрезентации субъекта. Основная функция данной зоны заключается в подготовке условий для потенциального взаимодействия с пространством другой субкультуры. После установления контакта следует уже говорить об актуализации зоны обмена субкультур. Под ней мы понимаем смысловое пространство, предполагающее наличие пересекающихся средств передачи содержания с использованием символических ресурсов, характерных для взаимодействующих субкультур.

Ориентируясь на опыт взаимодействия научных субкультур, рассмотренный выше, и ряд положений постмодернистского социокультурно-интердетерминистского подхода [16], с нашей точки зрения, в условиях субкультурного деления необходимо возникновение и существование специфических речевых практик, используемых для достижения взаимопонимания субъектов внешнего и внутреннего диалога. Данные практики могут рассматриваться как содержащие в себе отпечатки механизмов, поддерживающих функционирование диалогической самости, в частности, в контексте образовательной субкультуры. К ним относятся механизм **пиджинизации**, реализующийся в упрощении способов передачи содержания для достижения минимального уровня взаимопонимания субъектов коммуникации. Его проявления, в первую очередь, фиксируются в пространстве нарративного повествования субъекта, в результате чего содержание повествования редуцируется к более простым формам, содержащим общедоступный опыт и средства трансляции содержания минимальной сложности, представленные в обеих пограничных субкультурах и основной культуре. Механизм **креолизации**, в свою очередь, характеризуется усложнением изначально примитивных форм манифестации содержания повествования, с целью обогащения опыта субъектов диалогического взаимодействия, и, как следствие, расширением протяженности зоны взаимного обмена, присутствующей между субкультурами, вступающими в контакт. С нашей точки зрения, результатом работы механизмов пиджинизации и креолизации может являться достижение взаимопонимания и согласованности действий участников диалогического контакта.

Таким образом, описанные выше механизмы субкультурной интердетерминации диалогической самости могут рассматриваться как средства, поддерживающие образовательную субкультуру. В то же время на уровне субъектов образовательной субкультуры, данные механизмы могут выступать как в качестве инструмента социализации, так и в роли источника поддержания внутренней стабильности и целостности диалогической самости субъекта коммуникации.

Список цитированных источников

1. *Gergen, K.* Who speaks and who responds in the human sciences? / K. Gergen // *History of the human sciences.* — 1997. — Vol. 10, № 3. — P. 151—173.
2. *Слюсаревский, Н. Н.* Субкультура как объект исследования / Н. Н. Слюсаревский // *Социология: теория, методы, маркетинг.* — 2002. — № 3. — С. 117—127.
3. *Ажеж, К.* Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. — М., 2003.

4. *Кучинский, Г. М.* Психология внутреннего диалога / Г. М. Кучинский. — Минск, 1988.
5. *Библер, В. С.* От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. — М., 1990.
6. *Сепир, Э.* Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 259—265.
7. *Уорф, Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lingvolab.chat.ru/library/worf.htm>. — Дата доступа: 10.01.2012.
8. *Worthington, S.* Narratives in action: A Strategy for Research and Analysis / S. Worthington. — New-York, 2001. — 183 p.
9. *Галлисон, П.* Зона обмена: координация убеждений и действий / П. Галлисон // Вопросы истории естествознания и техники. — 2004. — № 1. — С. 64—92.
10. *Foley, W. A.* Language Birth: The Processes of Pidginization and Creolization / W. A. Foley // Language: The Sociocultural Context. — London, 1988. — P. 162—183.
11. *Беликов, В. И.* Пиджины и креольские языки Океании: социолингвистический очерк / В. И. Беликов. — М., 1998.
12. *Давыдов, А. И.* Руссенорск — арктический пиджин Европы / А. И. Давыдов, В. Пономаренко // Возникновение и функционирование контактных языков: материалы рабочего совещания. — М., 1987. — С. 43—47.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.
14. *Bjorken, J.* Relativistic Quantum Fields / J. Bjorken, S. Drell. — New-York, 1965.
15. *Кон, И. С.* В поисках себя / И. С. Кон. — М., 1984.
16. *Янчук, В. А.* Прогресс в понимании психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива / В. А. Янчук // Прогресс в психологии: критерии и признаки. — М., 2009. — С. 262—285.

Дата поступления в редакцию: 23.02.2012 г.